

Он холодно окинул взглядом Хэ Сы, затем учителя и неожиданно заявил: «Наместник, я не желаю, чтобы сей наставник обучал меня».

Чёрт побери, ишь ты, паршивец, сколько хочешь! Сначала этого наместника не желаешь, теперь — учителя. Может, тогда и трон тебе не нужен?!

Хэ Сы знал, что это невозможно, поэтому лишь озабоченно нахмурился и мягко спросил юного императора: «Почему же вы так изволили, ваше Величество? Разве наставник в чём-то провинился?»

Учитель также с трепетом спросил: «Неужели я в чём-то не исполнил свой долг?»

Юный император мрачно уставился на них и произнёс отчётливо, по слогам: «Сей наставник проявил величайшее непочтение к моему отцу, покойному императору, совершив тем преступление, не подлежащее прощению. Разве Восточной палате не подобает призвать его к ответу и ввергнуть в темницу?»

Вот теперь ты вспомнил про мою Восточную палату? А ещё недавно кричал, чтобы я катился?

Но, поскольку дело касалось покойного императора, Хэ Сы не мог выразить своё мнение сходу. Он обратился к наставнику: «Осмелюсь спросить, учитель, правда ли это?»

Обычный человек, будучи допрошенным наместником Восточной палаты, уже бы лишился чувств от страха.

Лицо наставника действительно побелело, но он не рухнул на пол, а лишь смиренно изложил суть дела.

Оказалось, сегодня шли занятия по истории. Наставник, рассуждая о пути древних мудрых правителей, вскользь упомянул о заслугах и ошибках покойного императора. Неизвестно, какая щекотливая струна задета была в душе юного государя, но он тут же вспыхнул, и дело зашло в тупик.

Хэ Сы с странным чувством посмотрел на семи- или восьмилетнего ребёнка. Неужели у него уже наступил возраст строптивости?

Старая поговорка не врёт: хочешь, чтобы в мире царила любовь — заводи меньше сыновей, ешь больше овощей.

Наставник испустил долгий вздох: «Я лишь проводил параллели между древностью и современностью, ни в коем мере не дерзая проявлять непочтение к покойному императору. Ваше Величество поистине несправедливо обвиняет меня». Он произнёс с безысходной горечью: «Если же государь твёрдо уверен в моей вине, то я смиренно приму её и покорюсь любому наказанию».

Хэ Сы был хорошо знаком с этой манерой — «преданная печень и праведное сердце». Все академики из Академии Ханьлинь были таковы. И думать не смели, чтобы обсуждать покойного императора. Хотя, по мнению Хэ Сы, покойный император натворил немало дурного...

Хэ Сы решил выступить примирителем. Он не мог позволить юному императору казнить наставника — иначе какой переполох поднимется потом во Внутреннем кабинете и при дворе! Он тоже вздохнул: «Действия наставника и вправду неуместны. Покойный император был

столь милостивым и мудрым государем, что нам, простым смертным, не подобает и полслова о нём молвить».

Юный император насторожился, и выражение его лица стало меняться.

Хэ Сы, видя, что слова возымели действие, неспешно продолжил: «Если же говорить о виновности, то, конечно, можно и обвинить...»

Юный император вдруг резко перебил его: «Ладно! Я не стану придавать сему значения. Наставник прав: он сегодня лишь вёл рассуждения об истории, а упоминание покойного императора было нечаянной оплошностью».

Хэ Сы расцвёл умиротворённой улыбкой, словно глядел на сына, который наконец-то поумнел. В душе же он матерился: «Так я и знал, что ты, мелкий негодяй, будешь мне наперекор!»

Наставник же с выражением облегчения на лице поспешно воскликнул: «Благодарю ваше Величество за беспримерную милость!»

После такой бури продолжать занятия было уже никак невозможно.

Наставник взглянул на водяные часы и попросил откланяться.

В Императорском кабинете остались лишь юный император и Хэ Сы. Взгляд Хэ Сы, полный раздумий, всё ещё был прикован к стройной, исчезающей вдали фигуре наставника, как вдруг он услышал сухой, колючий голосок: «Наместник, у тебя ещё есть дела? Почему не уходишь?»

Хэ Сы очнулся и швырнул на стол стопку книг, что была у него в руках. Раздался звонкий шлепок.

Юный император вздрогнул от неожиданности, рефлекторно отодвинулся на сиденье, и лицо его потемнело — казалось, он злился на собственную несдержанность.

Но Хэ Сы не стал нападать. Незачем сердиться на неразумного ребёнка, тем более что этот ребёнок — его высший повелитель, которого следует умасливать.

Отбросив книги, он придвинул к себе стул и бесцеремонно уселся прямо напротив юного императора. В одной руке он вертел браслет из турмалиновых бусин, другой — подтолкнул к государю принесённую коробку: «Это я тайком принёс вашему Величеству из ныне самой модной лавки за стенами дворца. По правде говоря, это против правил. Но я подумал: хоть государь и вкушает во дворце все яства земные и небесные, но за стенами ему бывать не доводилось, и он не ведает вкуса простой мирской пищи. Потому и принёс — для разнообразия».

Юный император уставился на коробку. Он до сих пор не мог забыть ту ночь в Дворце Вечной Весны, когда Хэ Сы поднёс ему ту самую миску мясной похлёбки. Из-за неё ему неделями снились кошмары: повешенные, окровавленные тела, а посреди — котёл размером с треножник. И Хэ Сы, восседающий рядом с котлом, срезающий с тел мясо и бросающий его в кипящую воду.

После тех снов он несколько дней не мог смотреть на мясо, его рвало желчью. И в глубине души зародился смутный страх перед этим наместником Восточной палаты.

Юный император пялился на коробку, потом, запоздало осознав, что выдаёт свою трусость,

холодно и с отвращением отвел взгляд: «Кто знает, не подсыпал ли ты туда яду».

Хэ Сы медленно перебирал бусины и тяжело вздохнул: «Эту коробку я нёс собственноручно, и на пути сюда её видели несчётные дворцовые очи. Зачем бы мне совершать столь глупое деяние?»

Взгляд юного императора выражал сомнение.

Хэ Сы вздохнул снова: «Ваше Величество слишком высокого мнения о своём слуге. В конечном счёте, я всего лишь ваш холоп, а вы — моя главная опора. Зачем мне вредить вам? К тому же, разве не висят над моей головой и вдовствующая императрица во дворце, и старшие советники во Внутреннем кабинете? Как посмею я причинить вам зло?»

Юный император дрогнул. Полуверя, полуне веря, он посмотрел то на Хэ Сы, то на коробку и, в конце концов, протянул руку и взял её.

Хэ Сы мысленно фыркнул. Этот ребёнок, хоть и своевольный, но простой. Хорошо ещё, что он с рождения принц — кинь его на улицу, не пройдёт и дня, как продадут в каторжную шахту. Но всё же из-за этого прирождённого сана он, рано лишившись отца, сам едва возвышается над троном, а под ним — чиновники и военачальники, старше его на несколько жизней.

Не говоря уже о дядях и братьях за стенами столицы, алчных, как волки и тигры, которые не прочь были бы пожрать его с потрохами.

К счастью, у всех этих сановников при дворе семьи и старики-дети пребывают в столице, да и к горлу у каждого приставлен отточенный меч Восточной палаты — не посмеют сговариваться с внешними ваннами.

Юный император, должно быть, кое-что об этом ведаёт. Если не скажет он, так вдовствующая императрица приоткроет ему истинное положение дел. Насколько приоткроет — Хэ Сы не знал.

Вдовствующая императрица — она и есть вдовствующая императрица, но в конечном счёте с императорским домом Ли они — две разные семьи.

Юный император снял крышку. Внутри оказалась изящная лакированная шкатулка. Не то что прошлый раз с его дымящейся мясной похлёбкой. На сей раз там лежали разноцветные сласти, яркие и забавные на вид, явно созданные для женщин и малых детей.

Глаза юного императора блеснули, но на лице всё ещё читались колебания. Он не решался взять сладость в рот.

Хэ Сы, уже подготовившийся, вытащил из-под шкатулки небольшой серебряный нож толщиной с указательный палец.

Юный император опешил.

Хэ Сы поднёс нож к губам, сделав знак «тише», затем с улыбкой ловким движением отрезал тонкий ломтик от одной из сладостей и положил себе в рот.

Движения его, когда он орудовал ножом, были плавны и изящны, а рукав, скользнув по воздуху, оставил за собой неуловимый шлейф элегантности.

Юный император вдруг почувствовал, что этот собачий евнух смотрится... вполне сносно. Будто подчиняясь неведомой силе, он взял из шкатулки серебряные палочки и принялся есть сласти, откусывая понемногу.

Как и говорил Хэ Сы, вкус у этих сластей был незнакомый, дворцовым яствам не свойственный. Изысканностью, конечно, они им уступали, но брали свежестью формы и вкуса, а для юного императора в них заключался ещё и неведомый ему доселе дух мирской жизни.

Так государь и сановник вдвоём поделили и съели всю шкатулку сластей.

Сладкий вкус, видимо, усладил сердце юного императора, и он понемногу стал отходить, невольно теряя бдительность.

Хэ Сы подал ему свежий, чистый платок и с улыбкой в глазах вдруг спросил: «Ваше Величество, известно ли вам, в какой лавке столицы изготовлены эти сласти?»

Юный император опешил и молча уставился на него.

Он никогда не покидал дворца. Откуда ему знать?

Хэ Сы положил платок ему на ладонь и многозначительно произнёс: «Всего в столице насчитывается сто пятнадцать кондитерских лавок, больших и малых. Наиболее известных — от силы четыре-пять. Из них три, хоть и вывешивают вывески столичных старинных заведений, на деле принадлежат хозяевам из далёкой области Ю, князю Нину. И это — лишь верхушка айсберга. Столица — один из самых цветущих городов нашей династии. Начиная от древностей и каллиграфии, каковыми забавляются сановники, и заканчивая дровами, рисом, маслом и солью, без коих не обойтись простолюдинам, — во всех этих промыслах так или иначе присутствует тень князя Нина. И не только его одного».

<http://bllate.org/book/16284/1467064>